

Городской театръ.

„Трое“ по роману М. Горькаго.

Передѣлки романовъ въ драмы вошли у насъ въ послѣднее время въ большую моду. Сначала передѣлывали произведенія покойныхъ писателей—Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, а потомъ принялись и за новыхъ—Л. Н. Толстого и М. Горькаго. И хотя передѣлки эти неизмѣнно оказываются плохи, но публика сначала интересуется ими, и онѣ дѣлаютъ сборъ, что и требуется доказать.

Дѣло въ томъ, что передѣлки эти выросли на почвѣ вполне естественнаго желанія видѣть во-очію, на сценѣ, героевъ любимыхъ произведеній, какъ мы съ интересомъ смотримъ иллюстраціи, изображающія ихъ. А тутъ, на сценѣ, мы не только видимъ Чичикова, Плюшкина, Ноздрева, князя Мышкина, Фому Гордѣева, Илью Лунева, но они при этомъ еще двигаются предъ нами и говорятъ. Публика устремляется въ театръ посмотреть на нихъ, какъ на людей, о которыхъ много слышала,—хотя всегда послѣ этого выходитъ изъ театра разочарованной.

Послѣднее понятно: извѣстный сюжетъ требуетъ и извѣстной формы, и то, что написано въ формѣ романа, невозможно втиснуть въ рамки драмы. Оттого-то ни Л. Н. Толстой, ни М. Горькій не станутъ сами передѣлывать своихъ большихъ произведеній въ драмы, хотя они, конечно, далеко лучше владѣютъ драматической формой, чѣмъ ихъ безвѣстные передѣлыватели. Съ такой передѣлкой, какую учиняютъ передѣлыватели, не могъ бы примириться ихъ художественный вкусъ. Да и вообще человекъ съ художественнымъ вкусомъ не можетъ взяться за подобную передѣлку, потому что сама по себѣ она антихудожественна.

Берутся за подобную передѣлку ремесленники и совершаютъ ее съ большей или меньшей ловкостью, сшивая разные куски и стараясь замаскировать вѣяющіе между ними пробѣлы, потому что куски, выхваченные изъ разныхъ мѣстъ произведенія, плохо сходятся другъ

съ другомъ. Неизвѣстному передѣльвателю „Трое“ Горькаго удалось это не хуже, чѣмъ другимъ, можно даже сказать, что онъ не мало труда употребилъ на то, чтобы замаскировать пробѣлы, чтобы его стряпня изъ разныхъ кусочковъ казалось сшитой изъ одного куска. Но, конечно, это немислимо: для этого пришлось бы произведеніе не передѣлать, а пересоздать.

Общее впечатлѣніе отъ данной передѣлки, какъ и отъ другихъ подобныхъ, неблагоприятно: психологическая правда, цѣльность, внутреннее, на сценѣ исчезаютъ, а остается больше виѣшнее. Отъ этого пьеса производитъ впечатлѣніе мелодрамы. Но нѣкоторые кусочки, цѣликомъ выхваченные изъ Горькаго, производятъ впечатлѣніе, и больше всего въ этомъ отношеніи удалось четвертое дѣйствіе пьесы, въ которомъ горькія рѣчи Лулева затрогиваютъ сердца зрителей. Четвертое дѣйствіе (именинное торжество у Автономовыхъ), хотя почти цѣликомъ взято изъ Горькаго, кажется мало естественнымъ, мало обоснованнымъ, потому что оно является заключеніемъ всего романа, котораго развитіе потерялось на сценѣ.

Задача артистовъ въ этой пьесѣ была сравнительно легка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неблагоприятна. Развитія характеровъ въ пьесѣ нѣтъ. приходится схватить вѣрно лишь виѣшнія черты дѣйствующаго лица, но при этомъ приходится имѣть въ виду не самую пьесу, въ которой исчезла цѣльность характеровъ, а романъ. Объ этомъ, видимо, и заботился г. Браиловскій, изображая Лулева; но такъ какъ передѣльватель далъ мало матеріала, то характеръ Лулева обрисовывался не столько сценой, сколько романомъ для тѣхъ, кто читалъ его. Еще меньше обрисованы въ пьесѣ Грачевъ, (г. Унгернъ), Яковъ (г. Кастровскій-Истоминъ), но исполнители сумѣли дать имъ индивидуальность, подходящую къ Горьковскому роману, особенно г. Унгернъ. Олимпіада болѣе сконцентрированно изображена и въ самомъ романѣ, такъ что она съ большей цѣльностью перешла и на сцену, и ее прекрасно изобразила г-жа Будкевичъ. То же приходится сказать и про Машу, очень недурно изображенную г-жей Иртеневой, Татьяну Автономову, которая была достаточно живо изображена г-жей Долиной, и самого Автонома, который въ послѣднемъ дѣйствіи недурно былъ изображенъ г. Басмановымъ. Считаю нужнымъ отмѣтить въ маленькой роли Гаврюши г. Шатова, который былъ очень характернымъ деревенскимъ парнемъ.

Впрочемъ, подробно говорить объ игрѣ не стоитъ: здѣсь приходилось не столько играть, сколько просто изображать и говорить. Несмотря на пестроту дѣйствій, на нѣкоторыя характерныя сценки, сохранившіяся отъ Горькаго, пьеса немножко утомляла, а нѣкоторые даже негодовали на порчу произведенія Горькаго. Но къ такой пьесѣ нужно приступать съ другимъ масштабомъ, чѣмъ обычно къ пьесамъ, не забывая, что это только передѣлка, которая можетъ дать лишь кое-что изъ передѣльваемаго произведенія. Художественное-же произведеніе должно давать не кое-что, а все, что можно извлечь изъ даннаго сюжета. Задачи совсѣмъ разныя.